

Макарова Полина Александровна

РОЛЬ ПАМЯТИ В ИСТОРИИ. "ОДЕРЖИМАЯ" Ж. БАРБЕ Д'ОРЕВИЙИ - ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

Статья посвящена анализу исторического романа Ж. Барбе д'Оревиийи "Одержимая" (1855) в контексте осмысления роли памяти в истории и, в частности, в репрезентации минувшего события в художественном произведении. Анализ призван выявить место исторических произведений писателя в традиции жанра исторического романа XIX столетия. Рассмотрение "Одержимой" в данном контексте позволяет отметить, что образы прошлого в романе проходят через призму субъективности - воспоминания, которые, пересекаясь и наслаиваясь друг на друга, образуют особую структуру повествования романа-воспоминания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 116-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

AN ARTIST AS A NEW TYPE OF CHARACTER IN RUSSIAN LITERATURE OF 1920- 1930:
BY THE MATERIAL OF CREATIVE WORKS OF S. KRZHIZHANOVSKY, K. VAGINOV, A. GRIN

Livskaya Evgeniya Valentinovna, Ph. D. in Philology
Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch) in Kaluga
liv-evgeniya@yandex.ru

The article is dedicated to investigating a new type of character and new, transformed by wars and revolutions, world perception in the creative works of Sigizmund Krzhizhanovsky, Aleksandr Grin and Konstantin Vaginov in mythopoetic aspect. The basic task includes the analysis of a new type of character-artist and its meaning for the formation of author's original myth in the writers' creative works. Originated at the turn of the century myth about new human being – artist is artistically transformed in their creations.

Key words and phrases: new type of consciousness; Russian literature of the first third of the twentieth century; Sigizmund Krzhizhanovsky; Aleksandr Grin; Konstantin Vaginov; mythopoetics; image of an artist; sacral nature of creativity.

УДК 821.133.1+82-3

Филологические науки

Статья посвящена анализу исторического романа Ж. Барбе д'Оревийи «Одержимая» (1855) в контексте осмысления роли памяти в истории и, в частности, в репрезентации минувшего события в художественном произведении. Анализ призван выявить место исторических произведений писателя в традиции жанра исторического романа XIX столетия. Рассмотрение «Одержимой» в данном контексте позволяет отметить, что образы прошлого в романе проходят через призму субъективности – воспоминания, которые, пересекаясь и наслаиваясь друг на друга, образуют особую структуру повествования романа-воспоминания.

Ключевые слова и фразы: исторический роман; мотив двойного воспоминания; роман-воспоминание; тема памяти в истории; местный колорит; объект исторической памяти.

Макарова Полина Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
polina.makarova89@gmail.com

**РОЛЬ ПАМЯТИ В ИСТОРИИ. «ОДЕРЖИМАЯ» Ж. БАРБЕ Д'ОРЕВИЙИ –
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ[©]**

Традиция исторического романа XIX столетия включает различные способы и цели для воссоздания минувшей эпохи в произведении. Писатели обращались к прошлому, чтобы найти в нем ответы на вопросы современности (А. Дюма), обнаружить предпосылки событий настоящего (А. де Виньи), проанализировать и осмыслить отдельные эпизоды национальной истории (В. Скотт, П. Мериме, О. де Бальзак). Исторический роман «Одержимая» (*L'Enfermée*, 1855) Ж. Барбе д'Оревийи, на первый взгляд, не вписывается в череду классических образцов жанра (В. Скотт, А. де Виньи, П. Мериме, В. Гюго). Однако это не совсем верно: неканоническая структура и подход к воссозданию прошлого отнюдь не выводят этот роман из жанровых рамок. Попытаемся выяснить, справедливо ли данное суждение, проведя анализ произведения Ж. Барбе д'Оревийи в контексте осмысления роли памяти в истории и, в частности, в репрезентации минувшего события в художественном произведении.

Действие романа происходит в Нормандии конца XVIII в., еще не остывшей от войны шуанов и синих (республиканцев). По первоначальному замыслу писателя «Одержимая» должна была войти в цикл произведений, посвященных движению шуанов в Нормандии: Ж. Барбе д'Оревийи хотел создать нечто подобное «Хроникам Кэнонгейта» В. Скотта (*Chronicles of the Canongate*, 1827-1828). Помимо «Одержимой» в серию планировалось включить исторические романы «Шевалье де Туш» (*Le Chevalier Des Touches*, 1864) и «Дворянин с большой дороги» (*Gentilhomme de grand chemin*), который так и не был написан. Однако замысел писателя не был воплощен в полной мере. Тем не менее, исследовательница Жозетт Суте отмечает важность творчества шотландского барда и его влияние на поэтику исторических романов Барбе д'Оревийи [7, p. 123, 124].

Рассмотрение исторического романа Ж. Барбе д'Оревийи невозможно без анализа его суждений об истории и задачах исторического романа. По мнению писателя, официальная история несправедливо обошла вниманием шуанское движение: «История обошла Шуанов своим вниманием. Они нуждаются в ней, как нуждаются в славе и даже в справедливости <...> Пока у них нет своего историка, у них нет ничего, что бы вывело их из безвестности и защитило от оскорбления. <...> Ни один видный историк не взялся беспристрастно описать их дела и поступки» (*Здесь и далее перевод автора – П. М.*) [3, p. 33]. Создавая исторические романы, посвященные этому периоду, Ж. Барбе д'Оревийи размышляет об истории, о смысле исторического движения.

В его концепции понятию «история» противопоставлено понятие «времени». Время приглушает яркость когда-то реально произошедших событий, покрывает все слоем «неосязаемой пыли»: «Время уже присыпало своим стирающим все песком многие события этой не столь отдаленной эпохи <...>» [2, р. 115]. Этому процессу забвения и противостоит история. История – это знание и память, без которых человек остался бы лишь неприкаянной частицей в непрерывном потоке движения жизни.

Барбе д'Оревийи различает историю «реальную» и «возможную». Первая – это факты, имевшие место в действительности, а вторая служит дополнением фактов, заполнением лакун в официально известной истории событиями, соответствующими духу времени, а потому вполне вероятными. В предисловии к изданию «Одержимой» 1858 года писатель говорит о своей творческой лаборатории как исторического романиста: «Что стоит точная, прописанная до мелочей, скрупулезная правда фактов, главное – чтобы узнавались очертания, сохраняли свою достоверность характеры и нравы, и чтобы Воображение подсказывало безмолвствующей Памяти: –Именно так!» [3, р. 34]. В этом автор «Одержимой» сходится с автором другого исторического романа о шуанском движении – О. де Бальзаком («Шуаны, или Бретань в 1799 году», 1829) [1]. О. де Бальзак также выводит на первый план вымышленных героев и события, однако ему удалось отразить важнейшие черты, характерные для исторического периода, который переживала тогда Франция. Отказ от изображения исторического события в пользу исторической повседневности присущ «Собору Парижской Богоматери» (1831) В. Гюго [5]. Таким образом, исторический роман Ж. Барбе д'Оревийи вписывается в традицию французского исторического романа XIX столетия. В этой связи большую роль для писателя играют не официальные исторические свидетельства, а воспоминания, слухи, легенды, передающиеся из поколения в поколение: «Есть кое-что, что намного лучше, чем книги. Это рассказы, домашние обряды и традиции, сплетни, все, что не обладает глупой точностью необработанного факта, но наделено высшей правдивостью человеческого воображения, чувством реальности нравов и истории» [2, р. 21].

Наследует писатель и приемы В. Скотта в изображении прошлого, в частности – особое внимание к передаче местного колорита, духа времени и страны, в которой происходит действие. Обращаясь к истории Нормандии, хорошо знакомой романисту с самого детства, Барбе д'Оревийи стремится как можно точнее передать образ послереволюционной провинции. Помимо описаний нравов и обычаев особое место автор отводит передаче местного диалекта в тексте романа. На нем говорят мэтр Тэнбу, Нонон Кокуан, пастухи. Как отмечает Жан-Пьер Сегуэн, использование диалекта в романе позволяет Барбе д'Оревийи «воссоздать колорит эпохи в романическом произведении, опираясь на Историю; но воссоздать его не с точностью дагерротипа, <...> а подобно живописи, черпая мотивы в реальности и передавая их в поэтической манере, более правдивой, чем плоская точность фактов» [Ibidem, р. 22]. Исследователь П.-Ж. Яроу, проводя сопоставительный анализ романов В. Скотта и Ж. Барбе д'Оревийи, приходит к выводу, что в «Одержимой» «есть много реминисценций на Скотта, немало элементов и мотивов, унаследованных от него» [8, р. 23].

Однако стоит отметить и отличия взгляда на историю автора «Одержимой» от исторической концепции ранних исторических романистов XIX столетия: Барбе д'Оревийи обращается к прошлому как объекту ностальгии по безвозвратно ушедшим временам. Он не видит в этом прошлом средства для изменения ситуации в настоящем, лекарства, которое бы помогло излечить недуги современной писателю действительности.

Роль памяти в репрезентации исторического события прошлого воплощена в романе в композиции произведения. Барбе д'Оревийи вводит в повествование двух рассказчиков. Вначале некий неназванный повествователь рассказывает о своем путешествии по Нормандии, произошедшем несколько лет назад, и встрече с неким мэтром Тэнбу (Tainnebou), который, в свою очередь, рассказывает таинственную историю аббата Круа-Жюгана. В результате получается композиция, построенная по принципу двойного воспоминания. Ж. Барбе д'Оревийи представляет читателю не просто объективный рассказ, соответствующий духу эпохи, а своего рода слепок событий, сложившийся в памяти людей, которые – каждый по-разному – переживали эти события. Факты пропущены через призму индивидуального восприятия. Читатель путешествует вместе с героями романа по их воспоминаниям, где для автора крайне важной оказывается психологическая составляющая, восприятие человеком прошлого. Можно предположить, что таким образом исторический роман Ж. Барбе д'Оревийи выходит к новому типу психологизма, предвосхищая романы М. Пруста.

Интересны и примеры воспоминания как представления событий прошлого, присутствующие непосредственно в сюжетном пласте романа. Они играют большую роль, поскольку именно вокруг них и строится произведение. Действие «Одержимой» не *происходит* в прошлом, как, например, в исторических романах А. Дюма; сюжет представляет собой лишь воспоминание о произошедших некогда событиях. В этом романе-воспоминании Барбе д'Оревийи все события предстают перед глазами читателя через картины из памяти тех или иных персонажей. Так, образ нормандского дворянства до революции и в период восстания шуан воссоздается благодаря воспоминаниям Клотт, некогда красавицы и возлюбленной многих местных дворян, которыми она делится с Жанной ле Ардуэ: «<...> вы никогда не узнаете, вы, которая вынуждена была стать женой вассала вашего отца, что такое любовь этих мужчин, которые некогда были здесь господами, и которые похвалялись тем, что цвет крови, текущей в их жилах, отличался от цвета нашей крови» [2, р. 134]. Ее рассказы также способствуют раскрытию характера одного из центральных героев романа – аббата Круа-Жюгана: «Он был надменен, подобно небу, и я думаю, что гордыня была его самым большим пороком» [Ibidem, р. 131]. История аббата, его таинственное прошлое становится читателю известным благодаря местному кюре. Большой корпус представляют воспоминания мэтра Тэнбу, пересказанные повествователем, а также свидетельства других очевидцев этих событий, собранные и приводимые рассказчиком: «Это был

прекрасный весенний день, как рассказывала мне старая графиня, когда я беседовал с ней об этих событиях, и она освещала факелом своих воспоминаний историю моего славного мэтра Тэнбу» [Ibidem, p. 229]. Слухи, рассказы, воспоминания наводняют роман, он буквально оказывается соткан из них, становясь при этом цельной картиной, представляющей Нормандию того времени. В результате, несмотря на отсутствие в произведении исторических персонажей как таковых и тот факт, что все события являются плодом воображения автора, характеры персонажей и нравы эпохи очерчены очень верно, и это отмечает исследователь творчества писателя Жан-Пьер Сегуэн: «Даже в самых необычных, порой безумных эпизодах, как, например, убийство Клотт, персонажи думают и действуют так, как думали и поступали бы на их месте реальные люди, помещенные в те же условия времени и места» [Ibidem, p. 24].

В недра собственной памяти погружается и сам повествователь, беседующий с мэтром Тэнбу: «Слово –Шуаны», брошенное мимоходом, словно случайное воспоминание, <...> в тот момент воскресило перед моими глазами этих призраков ушедших времен, перед которыми всякая настоящая реальность бледнеет и стирается» [Ibidem, p. 63]. Интересно, что в данном случае вновь намечается параллель с романами Пруста. Одно случайное слово вызывает целый ряд воспоминаний у рассказчика «Одержимой», подобно тому, как давно забытый вкус пирожного Мадлен неожиданно провоцирует у героя «По направлению к Свану» (1913) Пруста [6] череду образов и картин из его детства.

Отражена в романе и тема памяти об участии конкретного человека в историческом процессе. Она воплощена в образе одного из главных персонажей – аббата Круа-Жюгана. Несмотря на духовный сан, аббат так и не может забыть о своем военном прошлом шуана. Эти воспоминания не дают ему покоя, приобретая симптомы страсти, с которой герой не в силах совладать даже по прошествии лет. В образе Круа-Жюгана автор отражает внутренний конфликт человека между долгом (духовным саном и своим предназначением) и мирской страстью (стремление к военным подвигам и приключениям, одержимость идеей реставрации старого режима). С аббатом также связана в романе тема порока, губящего человеческую душу. Безграничная гордыня всецело охватывает Жоаэля Круа-Жюгана, придавая образу аббата демонические черты.

Таким образом, объектом исторической памяти в романе Барбе д'Оревиий является не столько то или иное историческое событие или эпоха, сколько жизнь отдельных людей, их судьбы. Возможно, именно поэтому писатель выбирает не столь удаленный во времени исторический период, чтобы он укладывался в рамки одной человеческой жизни. Каждый персонаж (аббат Круа-Жюган, Клотт, Тома ле Ардуэ) переживает в себе это событие (движение шуан) по-своему, преломляя его и раскрывая с разных сторон посредством собственной памяти. Известный исследователь творчества романиста Ф. Бертье замечает, что «война шуанов и республиканцев и, если брать шире, события, последовавшие за 1789 годом, одновременно присутствуют и отсутствуют в «Одержимой»: отсутствуют, потому что мы их практически не наблюдаем в романе, присутствуют – поскольку они навсегда оставили свой след в душах людей» [4, p. 37]. Для Барбе д'Оревиий ценнее исторических свидетельств оказывается репрезентация исторического события глазами людей, их личное восприятие, то, как этот эпизод истории воплощается в их судьбах, накладывая на них свой отпечаток. История народа и страны воссоздается посредством изображения личной истории отдельных простых людей. Именно простых, поскольку известные исторические личности в романах Барбе д'Оревиий отеснены на второй план либо вовсе отсутствуют.

Анализ мотива двойного воспоминания в романе Ж. Барбе д'Оревиий позволяет говорить о наличии в произведении темы памяти как способности личности конструировать образы прошлого, давать им некую интерпретацию и окраску благодаря прохождению через призму субъективности – воспоминание. Кроме того, это свидетельствует и о постепенном движении жанра исторического романа в сторону психологизма, его возрастающей роли в репрезентации событий прошлого в целом и известных исторических событий в частности. Пересекаясь и наслаиваясь друг на друга, воспоминания героев романа образуют особую структуру повествования романа-воспоминания. Они создают единую историю, цельный образ Нормандии послереволюционного времени, и этот образ оказывается для Барбе д'Оревиий более ценным, нежели факты исторических документов. Эта приверженность неофициальным свидетельствам связывает Барбе д'Оревиий с ранними историческими романистами XIX века – В. Скоттом, П. Мериме и др. Обогащая поэтику жанра исторического романа новыми приемами и особенностями, исторические произведения Барбе д'Оревиий не утрачивают связь с жанровой традицией.

Список литературы

1. **Balzac H. de.** Les Chouans ou la Bretagne en 1799. P., 1967. 504 p.
2. **Barbey d'Aurevilly J.** L'Enfermée. P.: Garnier-Flammarion, 1966. 250 p.
3. **Barbey d'Aurevilly J.** Préface à l'édition de L'Enfermée, septembre 1958 // L'Enfermée. P.: Garnier-Flammarion, 1966. P. 33-34.
4. **Berthier Ph.** «L'Enfermée», «Les Diaboliques» de Barbey d'Aurevilly: une écriture du désir. P.: H. Champion, 1987. 174 p.
5. **Hugo V.** Notre-Dame de Paris. P.: Gallimard, 1974. 702 p.
6. **Prout M.** Du côté de chez Swann. P.: Gallimard, 1988. 576 p.
7. **Soutet J.** Barbey d'Aurevilly, Le Chevalier Des Touches: questions de genre // Romantisme. 2006. № 134. P. 117-127.
8. **Yarrow P.-J.** W. Scott et L'Enfermée de Barbey d'Aurevilly // Barbey d'Aurevilly, L'Enfermée et les Diaboliques, la chose sans nom: Actes du Colloque de la «Société des études romantiques» du 16 janvier 1988. Sedes, 1988. P. 15-24.

ROLE OF MEMORY IN HISTORY. "THE BEWITCHED"
BY J. BARBEY D'AUREVILLY - HISTORICAL MEMOIR NOVEL

Makarova Polina Aleksandrovna
Lomonosov Moscow State University
polina.makarova89@gmail.com

The article is devoted to the analysis of historical novel by J. Barbey d'Aureville "The Bewitched" (1855) in the context of understanding the role of memory in history and particularly in the representation of past event in fiction. The analysis is intended to detect the place of the writer's historical works in the tradition of historical novel genre in the XIX century. Consideration of "The Bewitched" in this context allows noticing that the images of the past in the novel get through the light of subjectiveness - the memoirs which intersecting and superposing onto each other make the special structure of narration of memoir novel.

Key words and phrases: historical novel; motive of dual memoir; memoir novel; theme of memory in history; local colour; object of historical memory.

УДК 82.0

Филологические науки

Основная цель статьи заключается в стремлении расширить спектр методологических подходов к прозе, посвященной теме Великой Отечественной войны. Наряду с традиционными способами литературоведческих интерпретаций военных текстов, рассматриваются возможности и границы аксиологических, онтологических, технологических и феноменологических подходов.

Ключевые слова и фразы: методологический подход; художественный смысл; военное произведение.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

СПЕКТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ВОЕННОЙ ПРОЗЕ О 1941-1945-Х ГГ. ©

В рамках литературоведения прозаическая традиция, посвященная событиям войны 1941-1945-х годов, осмысливается как особый тип художественно-эстетической организованности. На сегодняшний день в области исследования данной субтрадиции сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, сама тема теряет свою привлекательность и воспринимается даже как исчерпанная, с другой, те, кто еще изредка обращаются к ней, сталкиваются с рискованным полем - как об этом стоит сегодня думать и писать, не повторяя пройденного и ставшего привычным. Эта удвоенная неопределенность предмета осмысления является вызовом, так как разрыв между теоретическими и литературными практиками является крайне конструктивным пространством поиска и экспериментов. Здесь определяющим становится момент максимального расширения возможных метаязыков по отношению к проблеме военного повествовательного дискурса. На наш взгляд, контекст наличных способов литературоведческой аналитики стоит вписать в более широкий методологический масштаб. Мы полагаем, что необходимо выделять четыре предельных позиции: аксиологическую [1], онтологическую [3], технологическую [4] и феноменологическую [5].

Стандартный вариант **аксиологической** позиции реализуется литературными критиками, которые, выделяя основной предмет интереса, в данном случае ценности, как правило, сводят их к горизонту актуальной современности. Не безразличны к этому аспекту истории и теории литературы, которые с ценностным планом литературного произведения стараются работать процессуально, стремясь зафиксировать творческую эволюцию того или иного писателя как переход от одной системы ценностей к другой. В этом суммарном кругозоре военное произведение представляется как экспликация общезначимых этических ценностей воюющего коллектива. Такая концепция военного произведения имеет две, как минимум, ненадежные точки. Во-первых, непонятно, что делать с теми произведениями, в рамках которых не обнаруживается социально-коммуникативное соотношение коллективного и индивидуального, а во-вторых, крайне сложно обходиться с текстами, авторы которых странным образом не замечают обязательную для канонической военной эпики проблему героизма (и ее теневую ценностную грань - тему предательства). Вообще в горизонте «аксиопоэтики» (И. П. Смирнов [6]) основополагающая категория «ценностей» заслуживает более тщательного анализа и системной проблематизации. По Бахтину, художественные ценности необходимо отграничивать от нравственных и познавательных [1]. Ценностное напряжение познания (авторское усилие) лежит в области поиска художественной правды; нравственное насыщение ценностного опыта обнаруживается в прямом поступке человека (и его художественного аналога - самоопределении литературного героя); эстетическая ценность определяется стратегиями воплощения и **завершения** художественного целого произведения. Пока автор находится в сфере нравственно-познавательной активности, художественный ценностный опыт и сама возможность создания литературного